

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

АНАТОЛИЙ САРЫЧЕВ

АТАКА ИХТИАНДРОВ

Морской спецназ

Анатолий Сарычев

Атака ихтиандров

«ЭКСМО»

2010

Сарычев А. Я.

Атака ихтиандров / А. Я. Сарычев — «Эксмо»,
2010 — (Морской спецназ)

Боевые пловцы Сом и Зуб получают не вполне ясное задание. Им нужно найти где-то в водах Каспийского моря упавший вертолет, перевозивший бомбу с неизвестной начинкой, снабженную микрочипом непонятного назначения. Бомбу следует обезвредить, чип – изъять. Кто будет противостоять им, спецназовцы не представляют. Ясно только одно: операция автономная, и никакой поддержки ждать не следует. Так что Сом и Зуб должны рассчитывать только на свои боевые качества, опыт и природную смекалку. И еще на удачу, которая всегда за них.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	24
Глава пятая	27
Глава шестая	31
Глава седьмая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анатолий Сарычев

Атака ихтиандров

Действующие лица в романе вымышлены, так же как и страна, которую вы не найдете на карте. Любое сходство с реальностью – не более чем совпадение.

Глава первая

«Командировка закончена, акты приемки подписаны, деньги переведены! Можно ехать домой к любимой жене!» – подумал Федор, глядя, как упакованную водолазную технику грузят в зеленый металлический «уазик».

– Вас подбросят до железнодорожной станции, а оборудование мы сами доставим в Москву. Через три дня пойдет транспортный борт в столицу. Если хотите, то можете лететь с ним, а пока отдохнете на нашей базе. У нас прекрасная рыбалка, охота.

– Как вы смогли так быстро найти наш контейнер? – спросил невысокий пухлый мужик, протягивая Федору командировочное удостоверение.

«Знал бы ты, сколько стоит портативный японский гидролокатор, господин главный инженер! Таких в кладовых ГРУ только три штуки!» – сказал про себя Федор, прижав правый локоть к туловищу, где во внутреннем кармане лежала плоская коробочка японского чуда техники.

– Мне просто повезло. Да и вы очень точно поставили створные знаки, – отозвался он вслух; больше всего ему хотелось вытянуть ноги на постели и провалиться в спасительный сон.

– Вы нас здорово выручили. Без вас мы надолго бы застряли на этой речке! – сказал начальник мостостроительного поезда со странной фамилией Элвин.

– Я через полтора дня буду в Москве и там встречу груз! – ответил Федор, бросив быстрый взгляд на железнодорожный билет, который держал в руках.

– Как вам угодно! Желаю приятно отдохнуть до Москвы! – сказал Элвин, отворачиваясь в сторону худого мужика, держащего в руках коричневую кожаную папку.

– Возите грузы автомобилями, а не катерами! – весело сказал Федор, шмыгнув носом.

Все-таки погружаться в ледяную воду – удовольствие ниже среднего, и подхватить насморк проще простого, даже тренированному водолазу.

Демонстративно посмотрев на часы, Федор открыл заднюю дверь «Нисана», который должен был отвезти его на станцию.

* * *

Федор с ненавистью посмотрел на старушку – божий одуванчик, сидевшую напротив него в купе скорого поезда. Казалось, чего человеку не хватает в жизни? Мягкое купе, столик, застеленный белоснежной скатертью, и два стакана с чаем, которые только что принес проводник... «С каким наслаждением, бабушка, я бы свернул тебе шею! Нельзя же так издеваться над людьми! Я все понимаю: ты старая, немощная, и тебя надо уважать, но совесть надо иметь», – мысленно увещевал он старушку, которая вот уже на протяжении суток не давала спать.

С виду она очень даже походила на человека: аккуратненькая, остроносенькая, с добрыми глазами василькового цвета, в опрятном халатике до щиколоток, а на самом деле пыточных дел мастер!

Федор, простыв в горах, немного сопел, а старушка, как только Федор засыпал, моментально его будила и сразу начинала рассказывать бесконечные истории о прошлом, радуясь, что нашла свободные уши. Побудки Федора бабушка мотивировала персональной непереносимостью мужского храпа.

Абстрагируясь от бесконечных воспоминаний о молодых годах, поклонниках, которые были готовы перевернуть мир ради одной ее улыбки, кинуть к тощеньким ножкам все золото и бриллианты Советского Союза, совершить подвиги, которые не под силу мифическим героям, Федор прикидывал, как хоть немного отдохнуть: то ли сунуть двадцать баксов проводнику и

всласть поспать в служебном купе, то ли сбежать в соседний вагон и там отоспаться, оставив старушеницу охранять немудреный скарб.

Но последние слова бабули заставили Федора наострить уши и сразу забыть о всех мученьях.

– Напротив нас, на одной лестничной клетке, жила семья Воскобойниковых – милейшие люди! Глава семьи – профессор политехнического института, мой давнишний приятель. Я много лет была в него влюблена, но он стойко хранил верность жене – Софье Андреевне! – с осуждением сказала бабушка, поджав тонкие бесцветные губы.

«Губешки-то чуть подкрасила и мордочку припудрила. Еще та оторва в молодости была», – профессионально отметил Федор, в которого навыки разведчика были вбиты крепко.

Сейчас бывший капитан третьего ранга, боевой пловец, находился в резерве ГРУ, время от времени выполнял задания. Особо бывшие коллеги старшего прораба пуско-наладочного управления не напрягали, но иногда прибегали к помощи в деликатных делах. Коллеги щедро платили и подкидывали заказы на наладочные работы, которые позволяли Федору не только вести безбедное существование, но и откладывать приличную копейку на черный день. Да и адреналин в крови иногда стоило погонять.

Обычно Федор работал в паре с Зубом, но тот сейчас отрывался на Камчатке, тренируя эмчезсников в обследовании затопленных пещер.

– Не может быть! Вы такая воспитанная, такая красивая, благонравная! – делано удивился Федор, решив во что бы то ни стало разузнать побольше о семье Воскобойниковых. Ведь именно такую фамилию носила его первая любовь – Милочка Воскобойникова!

Федор, пользуясь связями, два раза пытался найти Людмилу, но безуспешно. Сначала папу-профессора перевели на Камчатку заведующим кафедрой, а потом он там и умер, не дожив до шестидесяти лет каких-то трех месяцев. Мамочка, которая была на десять лет младше, вышла замуж за француза и смоталась на его родину, прихватив единственную дочь. Как оказался француз на закрытой для иностранцев в советское время Камчатке, Федор узнал, но куда они потом делись, вывести так и не смог.

И вот теперь, по прошествии стольких лет, судьба сама давала ему шанс узнать о предмете своей первой любви! Пара поцелуев в парке Дома офицеров, три свидания – вот, собственно, и все, что подарила судьба Федору, но воспоминания о первой юношеской любви он сохранил на всю жизнь.

– Вы так интересно рассказываете! Через ваши уста прямо оживает история! – слащаво воскликнул Федор, открывая свой рундук.

– Вы такой воспитанный молодой человек! – не осталась в долгу старушка, закрывая ладошкой беззубый рот.

«Тебе, старая карга, не меньше девяноста с хвостиком лет! А все туда же! Охота пококетничать с молодым мужиком! – подумал Федор, но тут же себя одернул: – Посмотри в зеркало, старый идиот! Сорок девять лет, а как только разговор зашел о Милке, сразу кровь взыграла, и моментально припомнил инструкцию по работе с агентами».

– Я только сейчас вспомнил, что у меня есть в сумке изумительный цейлонский чай. Уверю вас, мадам, что такого вы никогда не пили. Сейчас сбегаю к проводнику, заварю, – вскакивая с места, сказал Федор.

– Время два часа ночи, а они чай задумали пить, – осуждающе сказала толстая проводница, склонившаяся над потрепанной книжкой в мягком переплете. На затертой обложке писанный чернобровый красавец грудью заслонял полуобнаженную красотку от мужика с ножом.

– Очнитесь, мадам! Горло пересохло! – весело сказал Федор, протягивая проводнице сотню.

– Люблю понятливых! – тотчас же вскочила проводница.

Схватив чайник, она быстро его сполоснула и поставила под струю кипятка.

– Организуйте чего-нибудь к чаю! – сказал Федор, протягивая проводнице пятьсот рублей.

– Сейчас сделаем! Будет как в лучших домах Лондона и Жмеринки! – ожила работница железной дороги, обнаружив хорошее знакомство с классикой русской литературы.

За все время суточного путешествия проводница, не удостоившая Федора ласковым взглядом, после получения mzды прямо лучилась радушием. Да и Федор радостно улыбался, весь ушедший в воспоминания молодости.

– Очень интересный разговор намечается, – неожиданно для себя выпалил он, протягивая проводнице еще пятьсот рублей.

– Для хорошего человека ничего не жалко, – не осталась в долгу проводница, открывая сиденье. Чуть покопавшись, достала из рундука плоскую бутылочку.

– «Наири», – с уважением выдохнул Федор и, восхищенно вскинув голову, сунул руку в карман.

– Хватит, – покачала рукой проводница, ласково улыбнувшись.

Схватив чайник с кипятком, Федор поспешил в купе.

Заваривая чай, он рассказывал:

– Способов заварки существует великое множество. Мне больше нравится азиатский способ. Заварили, налили в стакан и тут же перелили обратно. И так три раза! Кайтарма называется.

Рассказывая, Федор, продемонстрировал все сказанное действиями. Наконец, налив чай на четверть стакана, пододвинул его своей попутнице, которая за это время успела выставить на стол кулек с конфетами и печенье.

Появившаяся проводница поставила на стол поднос с пакетом маленьких пирожных в вакуумной упаковке, тарелкой с тонко нарезанным лимоном и двумя малюсенькими хрустальными рюмочками.

Федор торжественно водрузил на стол бутылочку «Наири».

– Что вы, что вы! Я не пью! – замахала руками старушка, но, увидев этикетку, моментально водрузила на нос очки. – От такого коньяка грех отказываться! Я себе этого никогда не прощу. Двадцать лет выдержки! Наливайте, молодой человек! – И она залихватски махнула рукой.

Покатав коньяк во рту, бабка расплылась в улыбке.

– Виктор Семенович, так звали профессора Воскобойникова, очень любил именно «Наири». Так рано ушел из жизни! А какой был любовник! Нежный, страстный, умелый! Я в его руках просто таяла...

«Не буду вспоминать, что буквально двадцать минут назад вы чуть ли не клялись в преданности профессора жене», – мысленно одернул бабуся Федор, на всякий случай наливая еще рюмочку.

Старушка выпила, и ее понесло:

– Виктор Семенович всю жизнь любил только меня и дочь! Софья Андреевна никогда его не любила. У нее на уме были одни только деньги. А какую огромную зарплату профессор получал на Камчатке! – закатила глаза старушеница и, не давая Федору вставить ни слова, продолжила петь дифирамбы бывшему любовнику: – Виктор мне звонил из Петропавловска, все жаловался на Софью, много рассказывал о Милочке. Такая лапочка была!

– Кто такая Милочка? – направил разговор в нужное русло Федор.

– Это целая история! Это же дочь профессора. Милочка Воскобойникова – умница, красавица и золотой души человек. У нее в девятом классе было сразу две трагедии, – распиналась бабуся, не замечая, что Федор постоянно подливает ей коньячок. – У Милочки был парень, который за ней ухаживал со второго класса. Вот это любовь была! Мне парень тоже нравился. Здоровый, умный, начитанный. И черт его дернул заняться регби! На соревнованиях в Каунасе

столкнулся с каким-то бугаем, и тот ему сломал позвоночник! Представляете, здоровенный парень, почти два метра ростом, лежит беспомощно в постели и ничего сделать не может! Ноги не ходят, левая рука плохо двигается, а наша Милочка вокруг вьется, вся в слезах!

– Откуда вы так много знаете про Милочку? – искренне удивился Федор, не заметив, как сам назвал свою первую любовь ласковым именем.

Сердце сладко заныло. За столько лет он впервые получил хоть какие-то сведения о любимой.

– Да я много лет была ее наперсницей! Милочка рассказывала мне обо всем! – выпалила старушка, хлопнув еще одну рюмочку, и продолжила: – Наша Софья, видя такое дело, пришла к Андрею и говорит: «Ты, парень, конченный человек! Нечего тебе голову морочить нашей девочке. Что, моя дочь всю жизнь будет за тобой горшки выносить? Не для этого я ее растила! Ты все равно не жилец». Андрей не выдержал и в тот же день повесился на шнуре от шторы!

– Как-то непонятно все произошло! Как может парализованный человек повеситься? – не поверил Федор.

– У Андрея были очень сильные руки. Он мог подтянуться на одной руке десять раз! – моментально отреагировала старушка.

– Что дальше-то было?

– Милочка впала в транс. Десять дней ничего не ела. Родители начали бояться, что девочка покончит с собой. Я задействовала знакомых и перевела ее в другую школу. Дети очень разных родителей учились у нас в политехе. Были родители и директора школ и даже сотрудники района, – гордо сказала бабуса.

И только тут она соизволила представиться:

– Меня зовут Агрипина Семеновна. Я уже двадцать лет на пенсии, но все прекрасно помню. Память у меня наследственная! Мы, графья Собчаковы, всегда ею славились.

– Завидую, Агрипина Семеновна, – совершенно искренне восхитился Федор, испытывая к старушке самые нежные чувства. Так было приятно вернуться на много лет назад и окунуться в молодость.

У него сладко заныло сердце, а губы поневоле расплылись в счастливой улыбке. Старушка тем временем продолжала рассказывать, все более распаляясь:

– Я помогла девочке перевестись на другое место учебы. Новая школа, новые подруги. Буквально через месяц у Милочки появился другой парень. Она с ним даже целовалась! Приходит ко мне и рассказывает: «Он меня целует, а я представляю на его месте Андрея. Так намного легче». Парень учился в ее классе – вот только не помню, как его звали. Ведь прошло столько лет.

– Ну и чем все кончилось? – устало спросил Федор, вспоминая с какими чувствами он ходил на свидания, как трепетал при одном только взгляде на Милу. Он и сам не заметил, как перешел от ласкательного имени Милочка к просто Миле.

– Виктору Семеновичу как раз предложили кафедру в рыбном институте на Камчатке, и он сразу согласился. Виктор и мне предлагал ехать с ним! Но у меня были старые родители, и я не смогла. Вся жизнь моя переломалась! – выкрикнула последнее предложение старушка.

До этого она хоть и повышала тон, но не кричала.

– Время было другое! – кинул реплику Федор, внимательно глядя на собеседницу, которая покраснела от выпитого, и на левой ее щеке проступило овальное черное пятно.

– Надо было все бросить и ехать! – зло сказала старушка и, схватив бутылку, прямо из горлышка сделала большой глоток. Громко закашлялась. Федору пришлось легонько стукнуть ее по спине.

Успокоившись, старушка махнула рукой и продолжила рассказ, печально глядя в окно, за которым мелькали редкие разъезды да плохо освещенные деревушки:

– Вот так и кончилась моя самая большая любовь! Два раза выскакивала замуж, родила ребенка, вырастила, а перед глазами все время стоит Виктор Семенович... Один раз мы с ним увиделись на конференции в Красноярске через три года после его отъезда на Камчатку. Но это ни к чему не привело – просто еще одна ночь любви в гостинице. Но какой был мужчина! – приложила к глазам платочек старушка. – А с Милочкой мы до сих пор поддерживаем хорошие отношения. Девочка вышла замуж, родила двух детей и нормально живет. Парень женился, у него девочка родилась...

– Как вы с Милой поддерживаете связь? – спросил Федор, и внутри все похолодело. Неужели он сейчас получит координаты любимой?

– Мы раз в полгода созваниваемся, а чаще пишем эсэмэски или электронные письма, – махнула рукой продвинутая бабуса, протягивая руку за рюмкой.

Федор моментально подвинул свою, которую та и хлопнула.

Телефон заиграл мелодию Грига, и Федор внутренне напрягся. Звонок от куратора не предвещал ничего хорошего.

– А у меня здесь «Мегафон» не работает! – капризно сказала бабуса, вынимая из сумочки на боку черный мобильный телефон «Самсунг».

Федор приложил палец к губам.

– А мне плевать на твои разговоры! – пьяно икнула старушка и схватила бутылку.

– Сом? – спросили в телефонной трубке.

– Четыре – пять! – быстро ответил Федор.

– Через двадцать минут будет остановка вашего поезда. Выйдите из вагона – вас встретят! – твердо сказал голос, и в трубке послышались короткие гудки отбоя.

Федор сморщился, будто хватанул стакан уксусной эссенции. Но подспудно осталось желание: увидеть девушку своей мечты, которую он искал больше тридцати лет.

– Вы не могли бы мне дать Милин телефон? – запинаясь, спросил Федор.

– Ни за что! Вы мне всю дорогу мешали нормально спать своим сопением, храпом и свистом! – злорадно сказала бабуса и, откинувшись, сама захрапела.

«Вот старая вешалка!» – подумал Федор, скидывая шорты и пропотевшую майку. Одеваясь в джинсы и чистую рубашку, он кинул взгляд на бабку, которая смачно выводила носом рулады, время от времени всхлипывая.

«Самсунг» до половины высунулся из чехла, и экран светится.

«Попробую-ка я скачать информацию с ее телефона!» – решил Федор, вынимая свой мобильный.

Глава вторая

Собравшись, Федор надел на плечо сумку и бросил взгляд на телефон. Перекачка данных закончилась. Открыв вновь образованную папку, он довольно быстро разобрался в системе бабушкиных записей.

На букву «В» было три абонента, но только у одного стоял электронный адрес с неприличной аббревиатурой после «собаки» – «НОР».

«Кто не рискует, тот не пьет шампанского!» – решил Федор, набирая на телефоне короткое сообщение:

«Здравствуйте, Мила! Пишет вам старый знакомый, который не виделся с вами больше тридцати лет. Если вы, конечно, помните, своего одноклассника, на которого иногда смотрели в парке Дома офицеров, черкните пару строк. Федор».

«Сообщение прочитано в три часа десять минут», – буквально через минуту появилась надпись.

У Федора екнуло сердце. «Неужели я попал с первой попытки?» – промелькнула мысль.

Поезд стал замедлять ход. Схватив сумку, Федор побежал к выходу. Постучав в закрытую дверь купе проводников, негромко сказал:

– Откройте, пожалуйста, наружную дверь. Мне надо срочно выйти!

– Никуда ты не выйдешь! Здесь нет остановки. Остынь, алкаш! Дай хоть немного поспать! – рявкнули из-за закрытой двери.

– Через две минуты будет остановка поезда, и мне надо обязательно выйти! – снова вежливо попросил Федор, думая о сообщении, которое только что отправил.

Телефон три раза пропиликал, показывая, что в почтовый ящик телефона поступило новое сообщение.

Федор, не слушая вопли проводницы, резко стукнул двойным ударом в дверь и, отойдя на шаг, выхватил из кармана мобильный телефон. Два движения пальцем – и на экранчике вспыхнула надпись:

«Конечно, я тебя помню, Федор! Позвони мне прямо сейчас! Мила».

Поезд в это время заскрежетал тормозами. Федор не стал ждать проводницу, а побежал по вагонам, дергая двери служебных купе. Только через четыре вагона он обнаружил открытое купе проводников, в котором три красных мужика сидели за столом, на котором красовалась ополовиненная литровая бутылка с водкой.

– Мужики! Мне срочно надо выйти! – крикнул Федор, сунув в лицо бардовые корочки с надписью золотом: «ФСБ».

– Открой ксиву, – попросил толстый мужик в расстегнутой рубашке, на погонах которого красовались три маленькие звездочки.

Федор, ни слова не говоря, открыл удостоверение, на котором красовался он сам в форме, с погонами подполковника.

– Дай посмотреть! – пробасил худой мужичонка, сидевший напротив на перевернутом ведре.

Федор отрицательно покачал головой. Хотя удостоверение было фальшивым, но как документ прикрытия действовало безотказно.

– Леха! Открой подполковнику!

– Вы меня не видели, я – вас, – жестко сказал Федор, пропуская вперед худого.

Открыв выходную дверь, мужичонка поднял пластину пола и спустил лестницу. Поезд стоял в чистом поле. В пятидесяти метрах от него приземлялся вертолет, подсвечивая себе мощными прожекторами.

– Счастливого пути! – крикнул Леха, поднимая лестницу.

Пригнувшись, Федор бросился к приземлившемуся вертолету, не замечая, как на него смотрят три нетрезвых мужика, столпившихся в рабочем тамбуре у открытой двери.

– Серьезный мужик! Вертушку среди ночи за ним прислали, – оценил ситуацию художочный мужичонка, громко икнув.

– Не наше это дело. Давайте еще по одной, и спать, – предложил старший, открывая дверь в вагон.

Едва Федор оказался около вертолета, как дверь открылась, и на землю упал металлический трап. В проеме показался майор, изобразивший руками что-то ползущее. Федор утвердительно кивнул, и майор исчез.

Внутри военной вертушки были установлены лавки с обеих сторон фюзеляжа, на которых примостилось три человека: уже знакомый майор и два сержанта. Едва Федор уселся, как сержанты втащили внутрь трап.

Жестами Федор изобразил вопрос: «Сколько лететь?»

На что майор вытянул вперед руку и показал два пальца.

– О, кей! – кивнул Федор, вставляя в ухо наушник.

Вытащив из нагрудного кармана лингафон, приклеил его на горло и начал набирать номер телефона Милы.

– Привет, Мила! – хриплым голосом сказал Федор, не замечая протестующего взгляда майора, который не знал, как поступить с непонятым пассажиром, ради которого провели такие сложные манипуляции с поездом и вертолетом. Наконец, махнув рукой на вопиющее нарушение инструкций, майор откинулся на переборку и закрыл глаза.

– Это ты, Федор? – спросил женский голос, в котором Сом без труда узнал глубокое контральто любимой девушки. – Как ты меня нашел?

– Добрые люди помогли!

– Ты кого-нибудь из наших одноклассников видел? – задала новый вопрос Мила.

– Нет. Ты же знаешь, что я всегда в школе был как одинокий волк, ни с кем, кроме тебя, не дружил.

– У нас с тобой знакомство было очень короткое. Мы уехали на Камчатку – папа получил там кафедру.

– Меня тогда не было в городе – уезжал на соревнования. Приехал, а ты исчезла без следа, – хрипло сказал Федор, чувствуя, что у него перехватывает горло.

– Я и Верке Цыганковой, и Нинке Смирновой говорила, что уезжаю на Камчатку. Потом много раз им звонила, передавала тебе приветы.

– Честное слово, я не знал про твои звонки, эти стервы ничего не передавали! – громко сказал Федор, с болью чувствуя раздражение в голосе собеседницы.

– Что за телефон у тебя? Ничего не слышно! Приходится ловить каждое слово! – прокричала Мила.

– Телефон нормальный! Просто я сейчас лечу в вертолете и говорю с тобой через лингафон. По нему всегда не очень хорошая связь. Тебя я прекрасно слышу! Ты лучше расскажи, как живешь?

И Федор моментально перенесся на много лет назад, в те счастливые годы первой любви.

Нельзя сказать, что Федор был обделен женским вниманием. Высокий, с волевым лицом, прекрасно сложенный, он неизменно пользовался повышенным вниманием со стороны женского пола и весьма легко к этому относился, меняя любовниц если не как перчатки, то весьма быстро. Да и работа, которой он занимался, предоставляла большие, если не сказать огромные, возможности пообщаться с женским полом не только на одной шестой части земного шара, но и на других континентах.

– ...Особенно рассказывать нечего, – продолжала тем временем девушка. – Окончила школу уже на Камчатке, потом институт, в котором преподавал папенька. – Последнее слово

было сказано с большим сарказмом, но Федор не стал прерывать, отметив эту деталь, как профессиональный разведчик. – Через три года после окончания мной института папенька внезапно умер; буквально через год маменька спешно вышла замуж за француза Клода Ренье и укатила во Францию, захватив меня с собой. Я немного поучилась в Сорбонне и вышла замуж за нашего соотечественника... Ты в трубу не вылетишь с этими самолетными разговорами?

– Как-нибудь постараюсь удержаться за стенки! – отшутился Федор и замолчал, ожидая продолжения рассказа.

Мила правильно поняла паузу и продолжила:

– Родила двух замечательных детей, которые живут самостоятельно, а вот сейчас сижу и, разговаривая с тобой, вспоминаю школьные годы. Ты знаешь, я совсем недавно вспоминала тебя. Вспоминала наши встречи, первые поцелуи, объятия... Ты совсем не умел целоваться!

– Я и сейчас не умею! – буркнул в ответ Федор.

– Расскажи лучше о себе! – попросила Мила.

– Жизнь как жизнь. Окончил институт, отслужил в армии, работаю. Женился, двое детей, сейчас тоже самостоятельных. Шеф-наладчик подводных манипуляционных систем, – коротко ответил Федор, не став говорить, что он бывший офицер ГРУ, кавалер шести боевых орденов и целой кучи медалей, ни одну из которых нельзя было показывать. Все эти красивые побрякушки пылились годами в секретном ящике стола и не приносили никакой пользы. Только когда в гости приходил Герман – куратор Федора, они немного расслаблялись, вспоминая былое.

Раненого Германа Федор вытащил с глубины сорок метров и под стволом подводного автомата заставил судового врача сделать операцию в кессонной камере. Герману больше не разрешили погружаться под воду, и его карьера боевого пловца была кончена, а Федор перешел в разряд офицеров, не очень точно выполняющих приказ. За этот «подвиг» он тогда не получил очередного звания, но нисколько об этом не жалел. С годами к званиям, наградам начинаешь относиться философски и при каждом удобном случае вспоминаешь старика Конфуция: «Не вспоминай о прошлом – его не изменишь!»

– Куда ты сейчас летишь? – спросила Мила, стукнув пару раз по клавиатуре компьютера. Федор явственно слышал щелчки клавиш.

– Понятия не имею. Я спал, когда меня подняли, посадили в вертолет и куда-то везут. Мне кажется, что ты мне тоже снишься! – с нажимом на последние слова, громко сказал Федор.

– Нет, я живая, и даже очень! Завтра улетаю с мужем в горы. Там у моего благоверного небольшое ранчо, где мы будем отдыхать целый месяц.

– И я никак не смогу с тобой связаться? Не говоря уже о свидании? Ты только скажи! Я прилечу в любую страну мира! – забеспокоился Федор.

– Работу бросить мне никто не даст, а адрес электронной почты у тебя есть. Я тебе сбросила эсэмэской. Пиши письма – отвечу! – закончила Мила разговор и положила трубку.

Федор откинулся на металлический борт и, закрыв глаза, моментально заснул. На его губах появилась счастливая улыбка.

Глава третья

– Вставайте! Через две минуты приземляемся! – в самое ухо проорал майор.

– Мне минуты хватит, – ответил Федор, открывая глаза. Повернув голову вправо-влево, первым делом размял шейные мышцы и посмотрел в иллюминатор.

Вертолет опять снижался в чистом поле, но рядом проходила автомобильная трасса.

– Иди к дороге! Там тебя ждет серый джип! – крикнул майор, подталкивая в спину.

– Как прикажете, господин майор! – сказал себе под нос Федор, нимало не интересуясь, услышал ли его офицер, и, махнув рукой, быстро спустился на землю.

Трап моментально втянули обратно, дверь захлопнулась, и вертушка, взревев двигателем, шустро ушла в небо.

Федор, поправил ремень сумки и быстро пошел вперед, на ходу прикидывая, куда его забросили на этот раз.

Пройдя сквозь редкие деревья, он остановился в метре от обочины и посмотрел сначала направо, а потом налево. Ни одной стоящей машины на его стороне дороги не было видно.

Справа послышался шум двигателя. Серый джип с потушенными огнями выбрался из кустов на дорогу и дал задний ход. Остановившись прямо напротив Федора, гостеприимно распахнул заднюю дверцу.

«Похоже на наших орлов! Только они додумаются ездить без освещения, но с ПНВ¹!» – обрадовался Федор.

Усевшись на заднее сиденье, он захлопнул дверцу и огляделся. В машине, кроме него и водителя, сидел еще один человек и пристально смотрел на Федора.

Поставив сумку между собой и незнакомцем, Федор откинул голову и закрыл глаза, готовясь еще немного поспать.

– У нас много дел, о которых мы поговорим позже. Сейчас нас отвезут на железнодорожную станцию, где вы сядете на поезд. Вот документы! – незнакомец протянул портмоне.

– Спасибо.

– Вы даже не поинтересуетесь содержимым бумажника? – удивился незнакомец.

– Все, что мне надо знать, скажут! Чего зря дергаться? – беззаботно махнул рукой Федор, занятый мыслями о Людмиле.

– Станный вы человек, Сом! – протянул незнакомец, толкая водителя в спину ладонью.

Этот барский жест не понравился Федору, который почувствовал легкую неприязнь к сидевшему рядом. «Узнаю родные спецслужбы! Надо обязательно показать превосходство над простыми смертными!»

Машина плавно тронулась и не торопясь покатила по второму ряду.

Особым разнообразием окрестности не баловали. Деревья справа и слева в три ряда закрывали дорогу от пустыни, которая в свете луны уходила до самого горизонта.

– В какой стране хоть я нахожусь? – спросил Федор.

И тут на глаза ему попала надпись на латинском и русском языках, которая красовалась на большом металлическом листе, установленном с правой стороны дороги: «Город Газанджик. Республика Туристан. Вагонное депо – пятьсот метров».

– Вы все поняли? – спросил незнакомец, провожая глазами лист.

– Когда-то в этом городе я был на практике. На центральной улице, вдоль которой шел длинный железобетонный забор, какой-то умник написал: «По этой улице шагала революция!»

– Значит, в нашей стране вы бывали и ничего объяснять вам не надо.

¹ Прибор ночного видения. Прим. авт.

– Я бывал в советской республике, а сейчас у нас на дворе две тысячи лохматый год! – наставительно сказал Федор, провожая глазами остов сожженной грузовой автомашины.

– В самой республике мало что изменилось. Глава, бывший первый секретарь ЦК Бахтияр Асланбердыев, решил, не мудрствуя лукаво, оставить все, как было при советском строе, правда, с восточным колоритом. Все покупается и все продается. Хотите должность председателя райисполкома? – задал риторический вопрос незнакомец и сам же на него ответил: – Пожалуйста! Заплатите миллион долларов, и должность ваша.

– Круто! – оценил услышанное Федор, прикидывая, как же надо воровать в этой бедной стране, чтобы набрать миллион долларов.

– С одной стороны, это плохо, но с другой стороны – прекрасно! Человек знает, что на этой должности можно наварить намного больше денег, просто надо не только самому работать, но и заставлять пахать подчиненных. Не справился? Пошел вон с хлебного места! Да и людям, которые за тебя поручились, тоже придется несладко. Две-три жалобы на плохую работу, и ты полетел со своего теплого кресла! И деньги пропали, и ты ничего не заработал. Комиссия президентского контроля работает безупречно. Никакие деньги не помогут, если ты плохо работаешь. А если проворовался, то могут и расстрелять, несмотря на все родственные связи и знакомства. Хорошо подумай, прежде чем садиться в кресло начальника. Наши люди получают бесплатно газ, воду, электричество. Где такое есть? В нашей стране дают все коммунальные услуги бесплатно. Только благодаря нашему президенту, да будет он жить вечно!

Федор недоуменно пожал плечами. Подобный пафос скорее подходил бы для многотысячной толпы, чем для одинокого слушателя.

– Через двадцать минут вы сядете на международный поезд, который привезет вас в нашу столицу Ак-Киряз к девяти часам утра. Курировать по линии ФСБ буду я – майор Шамиль Бекназаров. У вас очень важная миссия, от которой много зависит в жизни нашей страны! – снова высокопарно сказал майор, дотрагиваясь до плеча водителя, который послушно свернул в сторону ярко освещенной заправки «Лукойл».

Федор порадовался за соотечественников, которые и в этой закрытой стране, в которой всего полтора миллиона жителей, торгуют российскими нефтепродуктами.

– Выпьем по чашечке кофе и забежим в туалет! – предложил майор и первым открыл дверь автомобиля.

«По мне, куда проще обойтись на обочине. Знаю я эти восточные места общего пользования – от одного запаха в километре от гальяна все живое дохнет», – подумал Федор.

Подождав, пока пассажир выберется из автомобиля, майор шагнул к расцвеченному, как новогодняя елка, стеклянному павильончику, из которого выскочил молодой парень в ярко-синем комбинезоне.

– Два кофе и полный бак девяносто пятого! – приказал ему майор и неторопливо направился в обход игрушечного домика. – С вами в купе едет ваш напарник, который и передаст основное задание. Официальная версия вашего пребывания в стране: поиск золотой статуи Будды, которую утопили при переправе через реку Муркан воины Тимурлана, возвращавшиеся из индийского похода, – быстро сказал он, открывая дверь дощатого домика.

Если сама заправка была выходцем из двадцатого века, то отхожее место явно появилось из века пятнадцатого, а лучше сказать, выползло. Запахи, исходящие из дощатой будочки с кокетливым сердечком на двери, могли убить не только человека, но и динозавра. Федор на всякий случай отошел на три метра вправо с наветренной стороны и остановился, внимательно прислушиваясь.

Несмотря на музыку, доносившуюся из застекленной заправки, он уловил негромкую скороговорку из туалета. Разговор шел на незнакомом языке и явно походил на монолог. Единственные слова, которые Федор разобрал были: «Ок, Адам». Что первочеловек делал в местном ватерклозете, Федор не понял, решив спросить об этом при случае местных аборигенов.

Выйдя из туалета, майор достал из кармана белый пакет, разорвал его и, вынув оттуда гигиеническую салфетку, демонстративно вытер руки. Небрежно кинув скомканную салфетку на землю, достал из левого кармана куртки баллончик и щедро попрыскал на себя.

«Теперь от тебя такое амбре поперет, что хоть святых выноси!» – оценил находчивость кагэбэшника Федор.

– Пошли быстрее! – приказал майор, первым направляясь обратно.

Прямо перед машиной стоял молодой парень в джинсах и рубашке и держал в руках поднос с двумя чашечками дымящегося кофе. Аромат разом перебил запах бензина и дезодоранта.

Обойдя официанта, как столб, Бекназаров уселся на заднее сиденье, Федор тоже. Официант, повинаясь еле заметному кивку, подал чашечку Федору, а потом метнулся к майору.

Автомобиль мягко тронулся.

– Не волнуйтесь, мы успеем! Пока вы не сядете в вагон, поезд не тронется.

– Я не волнуюсь. В крайнем случае вы догоните поезд и посадите меня на следующей станции! – беспечно сказал Федор, отхлебывая кофе.

Напиток действительно был превосходный – очень горячий, сладкий, с ароматом ванили и корицы.

– Вот с этим вопросом сложнее. Следующая остановка только через два часа – поезд фирменный, а там уже не мой район, – извиняющимся тоном сказал Бекназаров.

«Ну, тут у вас свои местные игрушки. Нам этого не понять», – оценил сказанное Федор.

Автомобиль свернул с трассы и закачался на колдобинах. Федор с интересом рассматривал городок, в котором не был двадцать пять лет.

На втором курсе, на практике, Федору предложили поработать помощником машиниста тепловоза. И три летних месяца он исправно помогал водить могучую машину по стальным магистралям этой, тогда еще советской, республики.

Городок почти не изменился: те же покосившиеся одноэтажные домики, здание деповской столовой, на которой латинскими буквами было написано «Ошхона», да и само депо с еще более обветшалыми стенами, чем много лет назад. Правда, два раза мелькнули особняки из больших белых блоков известняка, из которого были сложены окрестные горы.

Федор ностальгически вздохнул, что было тотчас замечено внимательным майором.

– Все будет нормально. КГБ не оставит вас, – уверенно сказал Бекназаров.

«Сейчас я тебе настроение попорчу!» – злорадно пообещал про себя Федор, ласково улыбаясь, и неожиданно спросил:

– Что там за сожженные автомашины на обочине дороги валялись?

– Местные хулиганы развлекаются. Корчат из себя партизан – борцов за свободную страну, – махнул рукой майор и скривил лицо, как от зубной боли.

– Хулиганов надо ставить к стенке, – посоветовал Федор.

– Слава Аллаху, что у нас сохранили смертную казнь! Как в этом смысле тяжело у вас, в России! Смертной казни нет, надо содержать в тюрьмах всех этих маньяков, убийц и растлителей малолетних, я уже не говорю про террористов, политических противников и партизан. И еще требуется кормить и охранять их! Какие траты казне!

«Значит, партизаны все-таки у вас есть. Это уже хорошо! Партизанам всегда нужны две вещи: оружие и деньги, за которые они готовы на все!» – обрадовался Федор.

Зазвонил мобильник. Минуту послушав, майор сказал:

– Поезд прибывает на станцию через три минуты. Ваш вагон одиннадцатый, место четырнадцатое.

– Прекрасно! Значит мы почти приехали? – спросил Федор, видя, как автомобиль выезжает на привокзальную площадь.

– Провожать я вас не пойду, но наблюдать со стороны будем, – пообещал майор, откидываясь на спинку сиденья.

«Как ты, бедный, устал!» – пожалел кагэбэшника спецназовец, выбираясь из салона автомобиля.

Ни одного человека на маленькой привокзальной площади не было. Пройдя через пустой зал ожидания, Федор вышел на заасфальтированный перрон, где, кроме дежурного по станции и толстого милиционера, никого не было. Увидев Федора, последний тут же направился к нему с явным намерением проверить документы. Скорее всего, в служивой голове заворочались меркантильные мысли.

Резкий гудок заставил непроизвольно вздрогнуть. На станцию ворвался поезд, задержался, пытаясь остановиться в пределах станции. Из-под колес тепловоза повалил едкий дым.

«Плохо тебя учили, водила», – подумал Федор, направляясь к одиннадцатому вагону, в рабочем тамбуре которого уже стоял высокий проводник, протирая поручни цветастой тряпкой.

– Добрый вечер! Мне на четырнадцатое место. У меня бронь, – негромко сказал Федор, видя, что проводник смотрит через его правое плечо. Оглянувшись, спецназовец заметил, как милиционер навытяжку стоит перед водителем внедорожника, на котором он только что приехал, и пытается втянуть огромное брюхо.

– Проходите, пожалуйста! Белье постелено.

Федор удивился такому сервису, но вовремя вспомнил, какой контингент ездит в СВ, и быстро зашагал по коридору.

Поезд тронулся, когда Федор открыл дверь седьмого купе.

– Здравствуй! – сказал он, широко улыбаясь. На широкой полке, застеленной шерстяным одеялом, лежал в одних шортах Зуб и читал потрепанный детектив в мягкой обложке.

Кинув в рундук сумку, Федор аккуратно сложил одежду, а обувь положил рядом. На осуждающий взгляд Зуба, капитана третьего ранга в запасе, не обратил никакого внимания.

Пригладив десять волосинок на голове, Зуб взял пачку сигарет, зажигалку и, легко поднявшись, пошел из купе.

– Пойду и я умоюсь с дороги, – громко сказал Федор, взяв со стола железнодорожный ключ, который оставил предусмотрительный Зуб.

Выйдя в коридор, он закрыл ключом купе и не торопясь пошел в сторону нерабочего тамбура.

– Байку насчет золотого Будды тебе уже небось рассказали, а вот что мы должны делать на самом деле, я не знаю. Меня, так же как тебя, используют втемную, – быстро сказал Зуб, нервно затягиваясь сигаретой.

– Бог не выдаст – свинья не съест! – беззаботно ответил Федор, занятый мыслями о Миле.

– Ты какой-то необычный. Я тебя не первый год знаю, но ты, похоже, помолодел лет на двадцать, – недоуменно сказал Зуб.

– Дай закурить! – попросил Федор, протягивая руку.

– Ты влюбился, что ли, старый?

– Я пока только пару минут разговаривал со своей школьной подругой, – неожиданно сказал Федор и растерянно улыбнулся.

– Ну ты даешь, Сом! Из-за такой ерунды ты счастлив, как идиот? Совершенно не слушаешь меня и абсолютно не интересуешься заданием?

– Отцепись ты со своим заданием! Одним больше, одним меньше, а девушка любимая у меня одна!

– Пошли спать, влюбленный идиот, – махнул рукой Зуб, открывая дверь в вагон.

Федор задержался на минуту, помыв руки и лицо в удивительно чистом туалете.

В коридоре, перед купе, болтался Зуб и недовольно бурчал:

– Пока мы с тобой курили, проводник закрыл купе, а сам сбежал, а ключ я в купе оставил.

Ни в этом вагоне его нет, ни в следующем.

– Я думаю, нам надо залегендировать нашу поездку подводными археологическими изысканиями. Тимур же здесь проходил? Мог же утопить статую золотого Будды – знаешь, сколько их в свое время наклепали? – быстро спросил Федор, стуча по стеклу ногтями правой руки, а левой крутя железнодорожный ключ.

– Откуда мне знать? Я же не жил в то время, – огрызнулся Зуб.

– И никто не знает, сколько на свете золотых статуй Будды. Говорят, что в Сибири тоже есть статуи Будды – и не только из золота, но и из платины. Можно даже говорить о поисках останков цивилизаций протогородского типа! – блеснул эрудицией Федор, вспомнив свое посещение краеведческого музея много лет назад.

– Ты знаешь, но нашей официальной версией будет именно поиск статуи Будды и сопроводительных документов к ней. Хотя ребята здесь и дикие, но без официальной бумаги путешествовать иностранцам здесь нельзя – суверенная республика-с! – с сарказмом сказал Зуб.

– Значит, сначала займемся оформлением бумаг! – легко согласился Федор, снова уносясь мыслями в прошлое, впрочем, не забыв открыть дверь купе.

Поезд пришел в столицу республики точно по расписанию. Едва Федор с Зубом вышли из вагона, как к ним моментально подбежал молодой парень в синем джинсовом костюме и слегка поклонился, по восточному обычаю приложив правую руку к сердцу.

– С приездом, дорогие гости! – на приличном русском звонко сказал парень, забирая сумки у Зуба.

На Федора он не обратил никакого внимания, скользнув по нему равнодушным взглядом, и, круто развернувшись, неторопливо направился к зданию вокзала, предоставив возможность спецназовцам двигаться следом.

Толпа, образовавшаяся у поезда, была практически однородной по своему составу. Мужчины в ватных халатах и огромных барашковых шапках неторопливо, с чувством собственного достоинства шли по перрону; женщины в длинных, до пят, темных платьях, в низко надвинутых на глаза платках, держа за руки по несколько детей, семенили следом.

Практически не было видно европейских лиц. За время движения от вагона до вокзальной двери, широкой, сделанной из цельного куска дерева и покрытой искусной резьбой, мелькнуло только одно: остроносый невысокий мужик в белой замызганной бейсболке, с недельной щетиной на впалых щеках, проскочил навстречу, бросив куда-то вбок затравленный взгляд.

На блондинистого Федора и сивого Зуба люди оглядывались постоянно, но особого дружелюбия во взглядах не было. Мужчины смотрели угрюмо, занятые своими мыслями, а женщины вообще не поднимали глаз. Раза три Федор ловил откровенно злобные взгляды, от которых стало не очень комфортно.

В полумраке старинного здания вокзала с высокими потолками и гипсовой лепниной Федор почувствовал себя уверенней. Пройдя мимо короткого ряда касс, из которых работала только одна, он вышел на привокзальную площадь, обсаженную в два ряда вековыми дубами. В десяти метрах справа от широкой лестницы с мраморными старинными перилами, спускавшейся прямо к асфальтовой дороге, скромно стояла белая «Волга» с включенным двигателем. Из выхлопной трубы автомобиля вился сизый дымок, хотя сам двигатель работал практически бесшумно, что было явно нехарактерно для российских машин.

Открыв багажник, парень поставил туда обе сумки Зуба и с облегчением вздохнул.

Федор ускорил шаг и, придерживав крышку багажника левой рукой, поставил свою сумку рядом с зубовскими.

Парень обошел автомобиль и услужливо открыл заднюю дверцу. Зуб, ни слова не говоря, влез внутрь, а Федор не стал ждать и, обойдя автомобиль слева, дернул за ручку дверцы. Та и не подумала открываться. Сделав шаг, Федор постучал в стекло водителя ногтем указательного пальца. Никакого эффекта. Зуб забрался в автомобиль. Встречающий парень безмолвно столбом стоял возле задней дверцы.

«Сейчас я вас расшевелю!» – с веселой злостью подумал Федор, решительно направляясь в сторону газетного киоска на остановке автобуса. Сопровождающего наконец проняло. Рванув с места с прытью хорошего спринтера, в метре от киоска он догнал Федора и схватил его за локоть. Моментально освободившись отработанным движением, Федор продолжил путь, ни на секунду не остановившись. Дойдя до газетного киоска, наклонился к окошечку и негромко спросил:

– У вас есть международные телефонные карты?

– Только местные! – вежливо, с извиняющими интонациями ответил сорокалетний продавец.

– А если я захочу позвонить в Россию?

– Идите на Главпочтамт! – посоветовал продавец.

– Вы не подскажете, где он находится? Я только что приехал и совершенно не знаю города, – неспешно спрашивал Федор, показывая, что он никуда не торопится и готов просто-яť тут до самого обеда.

– Проедете на двенадцатом автобусе четыре остановки, перейдете улицу и увидите трех-этажное старинное здание красного кирпича. Вот в нем и находится Главпочтамт, – объяснил продавец.

Федор, увидев народ, стоящий на остановках, прогулочным шагом направился к ближайшей, как твердая рука вновь схватила его за локоть.

– Еще раз дотронешься до меня – сломаю руку! – негромко предупредил Федор.

– Машина вас ждет, господин!

Парень смотрел на Федора зло и немного восхищенно.

– Подождет! – махнул рукой Федор, и тут зазвонил его мобильный.

Спецназовец быстро достал аппарат и, мельком взглянув на номер, прижал трубку к уху, махнув рукой согладаясь.

Парень развел руками, показывая, что ничего не может сделать, и медленно пошел к автомобилю.

– Страшно рад тебя слышать, Милочка! – хриплым голосом сказал Федор.

...Вспомнился дуб, который они обхватили, взявшись за руки.

– Я хочу всю жизнь быть с тобой рядом! – сказал Федор, не отпуская девичьи руки.

– Не давай опрометчивых обещаний! Кто знает, что с нами будет завтра?

– Завтра будет еще прекрасней!

– Ты хороший парень, Федор, но еще такой пацан!

– Я никогда не встречал такой красивой девушки, как ты! – снова попытался внести романтическую струю Федор.

– Ты тригонометрию сделал? – спросила практичная Мила, кидая взгляд на два портфеля...

– Я тоже рада тебя слышать! – откликнулась Мила, и в голосе ее Федору послышались радость и нежность.

– Я столько лет искал тебя! Спрашивал Таньку, Виолу, Зинку, но никто не знал, куда ты делась! Потом я все-таки просек, что ты уехала на Камчатку, но никто не дал мне твоего адреса.

– Странно! Зинка и Сима знали мой адрес.

– Я всю жизнь любил только тебя! И до сих пор люблю! – громко сказал Федор, не замечая, что стоящий рядом с ним Зуб смотрит на него, широко открыв глаза.

– Посмотри на календарь! Сейчас какой год идет? Я давно замужем, и у меня двое взрослых детей, муж, которого я люблю, и вполне устоявшаяся жизнь, в которой нет места для тебя.

– Это все не имеет никакого значения! Муж, семья, дети... Я готов выполнять все твои желания, только позволь мне хоть изредка слышать твой голос! – умоляюще попросил Федор.

– Можешь прислать мне электронное письмо.

И в трубке слышались короткие гудки.

– Пошли в машину, горе-любовник! – негромко сказал Зуб, вставая перед Федором.

– Вы еще не уехали?

– Мы уже уехали и вернулись за тобой! – скаламбурил Зуб.

– Раз вернулись – значит, поедem!

Устраиваясь на сиденье, Федор поискал молодого парня, но не нашел. Рядом с водителем сидел мужик лет пятидесяти; полуобернувшись, он с улыбкой смотрел на Федора. Видимо, Зуб уже полностью удовлетворил любопытство Седого, как про себя тут же окрестил Федор новый персонаж за абсолютно седую пышную шевелюру.

– Нельзя иметь такой гонор! – осуждающе заметил Седой, и в этот момент стал похож на школьного учителя математики, который любил погрозить пальчиком расшалившимся деткам. Некоторые, правда, были на голову выше учителя, но это ничего не меняло. – Сейчас мы поселим вас в правительственную гостиницу и начнем пробивать разрешение на проведение поисковых работ.

В этот момент машина тронулась с места.

Узкая улица, обсаженная с обеих сторон высокими пирамидальными тополями, за которыми стояли двухэтажные одинаковые домики из потемневшего красного кирпича, вывела автомобиль на широкую магистраль.

– Город наш был сооружен для русских железнодорожников, которые за один год построили железную дорогу, протянувшуюся до самого Каспийского моря, – начал рассказывать Седой.

– Эти домишки были сооружены для русских рабочих? – скептически спросил Зуб.

– Эти дома были построены для работников управления дороги! – последовал тычок указательным пальцем в сторону четырехэтажного дома, занимавшего целый квартал. – Больше ста лет. Сейчас у нас открылось два новых направления движения на Иран и на Афганистан! – гордо сказал собеседник, как будто это была целиком его заслуга.

– И что вы возите в Иран? – глупо улыбаясь, спросил Зуб, смотря в сторону величественного памятника, изваянного из серого металла. Огромный мужчина лет пятидесяти с хвостиком, одетый в длинный халат и огромную папаху, скрестив по-наполеоновски руки, смотрел на восток, очевидно прикидывая, что можно ожидать от восточного соседа.

– Сейчас мы свернем на Аллею славы! – возвестил экскурсовод, дипломатично не ответив на вопрос Зуба.

Автомобиль, не снижая скорости, свернул на широкую улицу, вдоль которой стояли одиночные скульптуры. В лучших традициях социалистического реализма были представлены бетонные колхозники, в национальных одеждах с неизменными папахами на головах, грудастые доярки в местном исполнении, у которых доильные аппараты весьма смахивали на многоствольные гранатометы, а обнаженные по пояс землекопы лихо взмахивали кетменями размером с лемех плуга какого-нибудь великана.

А вот товарищ с великанскими мышцами, по сравнению с которым Шварценеггер казался жалким задохликом, привлек внимание не только Зуба, но и Федора. Орел-шахтер, размахнувшись обушком, прорубал в гроте тоннель, в который мог спокойно въехать кран «Ивановец», не снимая стрелы. Но не это поразило Федора: в глазницах гранитного удалыца под лучами поднимающегося солнца горели настоящие изумруды.

Повинуясь знаку Седого, автомобиль остановился перед статуей. Четырехметровый забойщик, подняв обушок, больше смахивающий на кузнечный молот, врубался в стену. Зуб, сам не маленький, встал рядом со статуей, доставая рукой чуть выше пояса.

Немедленно возник молодой парень в белой рубашке с короткими рукавами и пристально посмотрел на Зуба, следя за тем, что взбредет в голову здоровенному чужестранцу.

– В глаза статуи вставлены настоящие изумруды, добытые в прошлом году в горах Копчет-Дага! – возвестил Седой, показывая пареньку ладонь, в которой лежала открытая бордовая книжица.

Паренек кивнул, разом потеряв интерес к подошедшим людям.

«Все-таки хорошо общаться со спецслужбами», – констатировал Федор, не забывая поглядывать по сторонам.

К бордюру, притормозив в двадцати метрах сзади и включив аварийную сигнализацию, приткнулся неприметный серый «жигуль»-«тройка». Седой тем временем рассказывал интересные вещи:

– После отделения нашей страны от России в горах обнаружили залежи изумрудов, платины и даже, говорят, тербия! – Быстрый взгляд в сторону отошедшего парня. – К сожалению, отроги гор имеют очень сложный рельеф, и провести туда железную дорогу не представляется возможным. Добраться можно только по воде или по очень плохой дороге. Сейчас концессия на разработку месторождения отдана английской компании «Шельф-Белл», и что там делается, никто не знает. Компания имеет право экстерриториальности, и вход на ее территорию запрещен. Англичане построили длинную посадочную полосу, и все снабжение осуществляют по воздуху, тем более что топливо в нашей стране – самое дешевое в мире!

– Неужели у англичан не работают местные жители?

– У нас люди предприимчивые, они организовали артель по добыче изумрудов в двадцати километрах от английской колонии. Каждый год только налогов сдают государству на пятьдесят миллионов долларов!

– Есть хочется, аж спать негде, – широко зевнув, прервал рассказчика Зуб, открывая заднюю дверцу автомобиля.

– Извините, совсем забыл, – спохватился Седой, бросаясь к автомобилю.

Федор не стал сопротивляться. Через пять минут машина остановилась возле летнего кафе. Усевшись за столиком под полотняным разноцветным столиком, Зуб стал вертеть головой, выискивая обслуживающий персонал.

«Жигуль», остановившись в ста метрах за кафе, снова приткнулся к обочине.

Седой, выйдя из машины, остановился, поджидая Федора, который неторопливо вылез и спокойно направился к кафе, не обращая внимания на сопровождающего.

Перед Зубом уже стояло огромное блюдо с палочками дымящегося шашлыка, который тот с удовольствием ел. Процесс насыщения начался только что и еще не успел набрать темп.

Увидев усаживающегося напротив Федора, Зуб хмыкнул, передвинул блюдо на середину стола, но есть не перестал. Товарищ не стал привередничать и, взяв короткую, не больше тридцати сантиметров, металлическую палочку, зубами снял с нее первый кусочек мяса, которое источало пряный аромат и прямо таяло во рту.

Седой последовал примеру гостей и тоже приступил к трапезе, запивая еду принесенным в стакане чаем.

– Гарсон! Два чая! – рявкнул Федор, показывая, что тоже умеет громко говорить.

– Не надо так громко, – поморщился как от зубной боли Седой.

– Я тоже хочу чая! – встрял Зуб, хватая за воротник белой куртки пробежавшего мимо молодого парнишку. Тот в ответ громко заверещал на нерусском языке. – Переведите, пожалуйста! Если через минуту у нас на столе не будет стоять чай, я просто сверну ему голову! – лениво сказал Зуб, легко поднимая парнишку одной рукой.

Седой протарабанил фразу, и сразу же перед Зубом возник поднос, на котором стояли два небольших чайника и две пиалы.

– Вот это другое дело!

Зуб налил чай и, отпив глоток, снова принялся за шашлык.

– Мне кажется, что вы несколько вольно себя ведете, – вкрадчиво сказал Седой, вперив в Федора отнюдь не ласковый взгляд.

– Как встречаете, так и ведем.

– Скажи спасибо, что я ему вообще голову не оторвал! – пробасил с полным ртом Зуб.

– Сейчас немного поговорим о задании, а потом поедem в гостиницу, – сменил тему Седой, кидая по сторонам опасливый взгляд.

– По-моему, не стоит, – прервал Федор, кивая в сторону стоящего на обочине «жигуленка».

– Это наша машина сопровождения, – отмахнулся Седой, отхлебывая из своего стакана глоток коричневой жидкости.

– Как прикажешь, начальник.

Седой досадливо махнул головой, сморщился, как будто у него в стакане был уксус, но тем не менее продолжил:

– Недалеко от берега моря упал вертолет, который перевозил... ну, допустим, технологическое оборудование. Надо спуститься под воду и достать его.

– Что за оборудование? Габариты, вес? – быстро спросил Зуб.

– Оборудование прикреплено на внешней подвеске к днищу вертолета и упаковано в металлический кофр размером сорок на сорок и восемьдесят сантиметров. Вес его примерно сто семьдесят килограммов.

– Точно известно место падения вертолета? – вступил в разговор Федор, вытерев губы бумажной салфеткой.

– Мы знаем только квадрат и то, что взрыва вертушки не было. Груз остался на месте, – быстро ответил Седой, нервно вытирая платком вспотевший лоб.

– Нужен приличный катер, три хороших акваланга с запасом баллонов, карты акватории и прилегающей местности... – начал было перечислять Федор. Но Седой прервал его:

– Завтра начинаете оформлять документы на поисковые работы по основной легенде. Дело это муторное, но при известном везении недели за три можете успеть, если, конечно, не произойдет какого-нибудь форс-мажора.

– Какие случайности могут произойти в вашей спокойной стране?

– У вас появились конкуренты, которые тоже охотятся за вертушкой.

– Так что же это за приставка, которую вешают к днищу вертолета?

– Модернизированная вакуумная бомба! – выдавил Седой, стыдливо пряча глаза.

– Вы что-то не договариваете! Вакуумных бомб такого веса, даже модернизированных, не бывает. По крайней мере, я не слышал, что такие стоят на вооружении. Она должна быть круглой, похожей в крайнем случае на бочку, – глядя честными глазами на Седого, медленно сказал Федор.

– После применения от человека остается только обугленный труп. Зато даже документы остаются невредимыми, не говоря об оружии и снаряжении, – скривившись, добавил Зуб.

– А меня уверяли, что при взрыве ничего не остается.

– Вас нагло обманули. При взрыве вакуумной бомбы даже патроны не взрываются. Она считается гуманной, так как убивает только людей, – пояснил Федор, подравнивая шашлычные палочки.

– Мы планировали небольшую операцию по уничтожению диверсионной группы, которая прорвалась на нашу территорию из Афганистана. Группа несла обогащенный уран из Пакистана. Нам только урана не хватает! Вот для этого и нужна была вакуумная бомба. Мы хотели все сразу уничтожить. Неожиданно вмешалась служба охраны президента и забрала у нас эту бомбу. Пришлось расстрелять всю банду из крупнокалиберных пулеметов. Через неделю со мной беседовал представитель администрации президента и интересовался техническими подробностями бомбы. Сами понимаете, что к тому времени продавец уехал обратно на родину

и никаких подробностей сообщить не смог. Пришлось мне отдуваться за двоих. В ящик с бомбой положили сто килограммов одного редкого металла, довольно тяжелого. Меня уверили, что в случае подрыва бомбы металл просто испарится.

– Вы консультировались с продавцом? Все вакуумные бомбы делаются на коленке в Чечне. Ставят на стабилизатор клеймо США, которое изготавливается в соседней сакле, и продают доверчивым покупателям, – махнул рукой Федор напряженно размышляя: «Что за тяжелый металл спрятан под водой? Если какой-то радиоактивный изотоп, то надо требовать специальные костюмы».

– Добавьте к нашему снаряжению пару приборов типа счетчиков Гейгера на альфа-, бета – и гамма-излучение, которые работают под водой, – попросил Зуб.

– Желательно костюмы для подводного плавания в радиационнозащитном исполнении, – добавил Федор.

– Нет там радиации! В контейнере сто килограммов тербия и вакуумная бомба, – прошипел Седой, впиваясь в лицо Федора пронзительным взглядом.

«Посмотрю в Инете, что это за ерунда – тербий. Вроде минерал не радиоактивный», – подумал Федор, вспоминая курс химии. замина вооружении даже модернизированных Теперь стало понятно, из-за чего весь сыр-бор и почему его так срочно перекинули с одного задания на другое.

– Я не имел права вам говорить, но вы меня вынудили! – выдавил Седой.

– Какими будут наши первые шаги на бюрократическом поприще? – спросил Федор.

– Завтра с утра вы привезете ко мне в Министерство сельского хозяйства документы, которые уже лежат у вас в номере. Сейчас вы поедете в гостиницу и до завтра можете отдыхать.

Глава четвертая

Гостиница, куда их привез Седой, располагалась на тенистой улице недалеко от центра города и рядом с рынком, от которого тянулась бесконечная толпа аборигенов, одетых в национальные одежды, с тележками, доверху нагруженными зеленью.

– Люди покупают ее на базаре и везут на свои точки, где продают вдвое дороже, – пояснил Седой, открывая переднюю дверцу автомобиля.

Моментально из открывшихся дверей гостиницы выскочил парень в европейском костюме и, подбежав к багажнику, остановился.

– Тут у вас принято давать чаевые?

– Ни в коем случае! – испуганно сказал Седой, для наглядности взмахнув руками.

– Везде чаевые дают, а у вас не принято? – удивился Зуб, внимательно наблюдая, как молодой парень, согнувшись, тащит три сумки к дверям гостиницы. – В любом случае, спасибо за прекрасный завтрак!

– Особо в номере не болтайте! – предупредил Седой, подавая визитную карточку, на которой по-английски было написано: «Махмуд Делавери – финансист» и стояло три номера телефона.

Двухкомнатный люкс на втором этаже сиял европейской чистотой.

– Я в душ, а ты проверь на вшивость вот эту комнату и лоджию! – приказал Федор, скидывая одежду прямо на кресло.

Наскоро помывшись, надев махровый халат прямо на голое тело, он вышел из ванной и сразу увидел Зуба, сидящего в кресле в одних лишь красных спортивных трусах. Жестами, понятными только боевым пловцам, тот показал: «В холле четыре «клопа», на лоджии ни одного».

Указав пальцем в сторону открытой двери, Федор отправился на балкон, мимоходом включив старинный радиоприемник, висевший на стене. Радиоточка отозвалась на нажатие красной кнопки визгливым надтреснутым голосом певца, который на одной ноте тянул непонятное слово. Зуб болезненно сморщился, зато Федор радостно улыбнулся: лучшей звуковой маскировки не придумать!

Пропиликала короткая мелодия в мобильном телефоне, показывая, что пришло письменное сообщение. Едва взглянув на экран, Федор указал Зубу на дверь ванной комнаты, куда тот с радостной улыбкой и ретировался.

Нажатие кнопки – и Федор услышал голос Милы, которая взяла трубку после первого звонка.

– Привет, родная! – сказал Федор, чувствуя, что у него все переворачивается в душе.

– Федь, расскажи о себе, о ребятах, о наших девчонках, – попросила Мила и сделала длинный вдох.

– Ты сейчас куришь? – спросил Федор, лихорадочно соображая, о ком из одноклассников он может хоть что-нибудь сказать.

Напрягши память, спецназовец понял, что практически ничего не знает ни об одном из них. Конечно, имея возможности аналитического отдела ГРУ, можно было за неделю узнать самые интимные подробности о жизни любого человека, но особых потребностей в этом Федор не испытывал. Ведь только Милка была лучом света в серой школьной жизни. Именно лучом, который промелькнул и погас, оставив после себя сладкую ноющую боль. Федор много раз, уже имея возможности ГРУ, давал себе слово найти Милку, но каждый раз боялся. Боялся ее пристального взгляда, скептической улыбки, колкого язычка.

– И тебе советую закурить, – усмехнулась Мила.

– Да практически никого из одноклассников не видел, и особо не хочу. У каждого из нас за плечами прожитая жизнь, ошибки и правильные ходы, которые в конечном итоге тоже оказываются ошибками, – устало сказал Федор.

– Это все общие слова. Расскажи подробнее о себе. Кем ты работаешь? Что делаешь у нас в стране? – зачастила Мила.

– Тебе с конца отвечать или с начала? – спросил Федор, быстро вспоминая сегодняшнюю легенду.

– Стоп! Позвони мне завтра в это же время или пришли электронное сообщение. Адрес ты знаешь! – быстро сказала Мила, и в трубке раздались короткие гудки.

– О, опять рожа засветилась! Что произошло? – спросил Зуб, устраиваясь с бутылкой фанты напротив Федора.

– Выкини немедленно эту гадость! Ею только грязные автомобильные стекла мыть! – приказал Федор, мечтательно улыбаясь.

– Ты сейчас похож на влюбленного десятиклассника! Стыдно, товарищ капитан третьего ранга! Начинайте думать о задании! Не нравится мне твое настроение. Она же старая, как мы с тобой. Сотни молодых девчонок готовы по первому кивку прыгнуть к тебе в постель. Не говоря уже о собственной жене!

* * *

Федор достал ноутбук и, выйдя в Интернет, застучал по клавишам:

*Ты знаешь, а липа кропает стихи
Все строки, в такие вот ночи
Закроешь глаза, и пахнут они
Медом твоих ладоней.
_{title>* * *}
Прислушайся, слышишь? Шорох ветвей
Все так же шумит, не меняясь.
Опять тебя нет, ты акацию рвешь...
На липовый цвет не меняешь?*

Федор набрал электронный адрес Милы и отправил два четверостишья.

Пальцы сами застучали по клавиатуре:

«Давно, с самого детства, никому не писал стихов – а вот только услышал твой голос, сразу снова появились стихотворные строчки. Как-то смешно! Взрослый мужик, на исходе пятого десятка, пишет стихи, как сопливый мальчишка! Но ничего не могу с собой поделать. Извини, если рифма не в цвет, но ты у меня уже много лет стоишь перед глазами с веточкой липы в руке», – дописал Федор и отправил письмо.

Открутив пробку с бутылки пива, он сделал большой глоток, откинулся на спинку кресла и принялся рассуждать:

«Сколько лет прошло, а чувства живы до сих пор! Весьма странно. Вроде и образ не помню, только глаза, чистый овал лица и нежные губы. Ах, какие у тебя, Мила, были нежные губы! Как ты целовалась!»

Федор снова перенесся на много лет назад и вспомнил девочку на физкультуре, у которой были такие смешные ямочки под коленками и черные сатиновые трусики с оборочками. Уже давно половина девчонок в классе носили обтягивающие шелковые и нейлоновые плавки, которые скорее раздевали, выставляя напоказ прелести девичьих тел, а вот у Милки все было

скрыто, но в то же время эти ямочки под коленками заставляли Федора прямо дрожать от нежности.

Прозвучала короткая мелодия, означающая, что пришло письмо по электронной почте.

Открыв папку «Входящие», Федор прочитал:

«Эка тебя разнесло, парень. Стихи начал писать. Остановись! Посмотри на календарь. Столько лет прошло. Ты изменился, да и я совсем не та наивная девушка, которая пару раз с тобой вечером целовалась. Это было так давно, и я уже не верю, что это вообще было. Но все равно я очень рада, что ты позвонил, а стихи твои мне нравятся! Только неделю мне не звони, я уезжаю. Там, куда мы едем, нет связи! Мила».

– Зуб! Иди сюда!

– Опять начальник нажрался!

– Ты говорил, что у тебя в аналитическом отделе ФСБ есть дама, которая к тебе неровно дышит?

– С чего это ты ее вспомнил?

– Мне надо срочно пробить фамилии одной женщины, – попросил Федор, протягивая мобильный телефон.

– Насчет твоей школьной пассии?

– Людмила Воскобойникова, родилась и жила в Тарабове в конце семидесятых годов. Отчества не знаю, ориентировочно Викторовна, отец профессор, преподавал в политехническом институте, потом переехал на Камчатку, где заведовал кафедрой. Нужна подробная информация на нее.

– Зиночка, привет! Мне срочно нужна твоя помощь! – бархатным голосом сказал Зуб, предупреждаясь подняв указательный палец.

Федор вышел. Зайдя в спальню, обнаружил две широкие кровати. На тумбочке лежала кожаная папка бордового цвета. Взяв ее в руки, Федор погрузился в изучение документов, разом отключившись от любовных переживаний.

Через десять минут пришел Зуб, тяжело отдуваясь:

– Говорить с одной женщиной о другой – тяжелая задача. Помни мою доброту. Придется тебе в Москве раскошелиться на кабак.

– Ты мне мозги не канифоль, а точно передай, что сказала мадам!

– Через три дня, если информация есть, она будет у нас. Вернее, у меня, так что придется тебе тряхнуть мощной.

– Да рассчитаюсь я за кабак, – махнул рукой Федор.

– Ты не понял, начальник. Ты даешь мне штуку баксов, и я иду с дамой в ресторан, – возвестил Зуб, делая кислое лицо.

– Теперь все ясно. Такие деньги меня не пугают, – тряхнул головой Федор, не поднимая глаз от документов.

– Если бы ты знал, как мне не хочется идти с ней куда-либо, – снова протянул Зуб.

Глава пятая

– С вами можно рассчитаться американскими долларами? – спросил Федор молодого парня-таксиста, едва они отъехали от гостиницы.

– Можно! Только деньги вперед! – предупредил таксист, кидая взгляд в зеркало заднего вида.

Едва пятерка баксов переключалась из руки Зуба таксисту, как тот моментально расплылся в улыбке и увеличил скорость новенького «жигуленка» пятнадцатой модели.

– Долго нам ехать до Министерства сельского хозяйства? – спросил Зуб, вольготно разваливаясь на заднем сиденье.

– Если не торопиться, то минут тридцать.

– Мы в командировке, и нам некуда торопиться! – ответил Федор, вынимая сотовый телефон.

Один взгляд на экран показал, что звонков не было.

* * *

Министерство сельского хозяйства республики занимало современное шестиэтажное здание из стали, стекла и бетона и было покрашено в светло-зеленый цвет. Даже затененные окна имели зеленый оттенок.

– Держу пари, что и крыша у этого сарайчика тоже зеленая, – выдал Зуб, останавливаясь перед высокими зеркальными дверями.

– Не буду с тобой спорить, – согласился Федор, мгновенно оценив фасад. «Три камеры слежения на первом этаже, два живых наблюдателя на третьем. Не удивлюсь, если у этих ребят под руками имеются трещотки посерьезней автоматов Калашникова. Что-нибудь вроде модернизированного «ингрема».

При появлении посетителей двери стали медленно раскрываться.

«Тоже разумно! Можно спокойно и внимательно рассмотреть пришельцев, а медленная дверь не даст нападающим одним скачком ворваться внутрь», – похвалил Федор систему охраны здания.

Дюжий парень, повертев в руках российские паспорта, что-то проблеял на непонятном языке в микрофон на плече. Хлопнув себя по голове, Федор улыбнулся и, достав из нагрудного кармана визитную карточку Седого, протянул ее охраннику. На широком лице хранителя вертушки расцвела улыбка.

Паспорта были торжественно вручены обратно со словами:

– Господин Делавери ждет вас! Четвертый этаж, кабинет четыреста семь.

Сразу за вертушкой напарники попали в большой холл с японским каменным садиком и крохотным бассейном. На его берегу сидела крупная жаба и таранилась на цветы лотоса, которые плавали в середине крошечного водоема.

– Бабок сюда вбито немерено! – восхитился Зуб, делая два шага вперед.

Федор последовал за напарником и, усевшись на широкую деревянную скамью, установленную перед бассейном, осторожно втянул носом воздух. Хлоркой вода не пахла.

Жаба повернула голову в сторону скамейки и одним скачком прыгнула в воду – только круги разошлись по поверхности.

– Пошли работать!

Кабинет Делавери находился в конце широкого, как проспект, коридора, вдоль которого, как солдаты в оцеплении, стояли деревянные кадки с двухметровыми пальмами. Их широкие листья блестели, как полированные, а на полу не было видно ни одной пылинки.

– Практически Европа! – оценил Зуб интерьер коридора.

– С примесью Востока, – добавил Федор, чуть ускоряя шаг.

На большой дубовой двери висела полированная табличка на английском языке: «Начальник департамента Махмуд Делавери», а ниже стояла еще одна, совсем уже не читаемая, надпись кириллицей.

В большой приемной, оснащенной современной офисной техникой, за полукруглым столом сидела секретарша и, склонив голову, всюду стучала по клавишам.

– Господин Делавери примет вас через десять минут, господа! – не поднимая головы, произнесла она.

У Федора прямо мороз по коже прошел. Голос был точно Милы! Те же интонации, тот же тембр...

«У тебя на почве любовного токсикоза глюки!» – немедленно отреагировал внутренний голос.

Распущенные белокурые волосы полностью скрывали лицо, не давая возможности разглядеть его.

«Этого не может быть! Но плечи и наклон головы Милкины!» – в секунду определил Федор и без сил рухнул в кресло.

– Девушка, организуйте нам кофе, пожалуйста, – попросил Зуб, усаживаясь в кресло рядом с Федором.

– Прошу прощения, что сразу не предложила! – вскинула голову девушка, и Федор судорожно откинулся на спинку кресла.

За столом сидела Мила! Именно такой Федор помнил девушку своей мечты. Нежный овал лица, аккуратный носик, а вот тени под глазами совершенно не портили его, придавая лику девушки обиженное выражение.

– Что случилось, милая девушка? – хрипло спросил Федор, не в силах отвести взгляд, тем не менее профессионально отмечая бейджик на груди, где было написано по-английски: «Вера Бреус».

– Мама пропала! Ее уже три дня нет дома! – вдруг всхлипнула Вера. Однако она тут же встряхнула головой, промокнула глаза кружевным платочком и вскочила с места, неожиданно оказавшись весьма высокой девушкой. «Метр восемьдесят семь – восемьдесят восемь. Милка была метр шестьдесят», – тотчас отметил Федор, окидывая ладную фигурку девушки быстрым взглядом.

– Извините за мои слезы! На работе надо оставлять эмоции дома. Сейчас я приготовлю вам наш фирменный кофе, – натянуто улыбнулась Вера, делая шаг к приставному столику, на котором сверкала никелем кофеварка и медная позеленевшая мельница.

– Перебьемся без кофе! Расскажите, что случилось с вашей мамой?

– Не знаю почему, но я чувствую к вам доверие. Вы мне кажетесь таким надежным и крепким! – несмело улыбнулась Вера, снова усаживаясь на место.

– Я тоже большой и верный! – решил подыграть Зуб, расправляя и без того широкие плечи.

– Мама вышла с работы, как обычно, в пять часов вечера, но домой не пришла. Через час позвонил мужчина и сказал, что это похищение и мы ни в коем случае не должны обращаться в полицию. Мама взяла трубку и сказала, что все будет хорошо и надо готовить выкуп.

– И какова сумма? – спросил Федор, прикидывая, сколько денег у него на счету.

– Три миллиона долларов! У нас никогда не было таких денег! – с ужасом сказала девушка и снова всхлипнула.

– Это только вначале похитители заламывают огромные суммы, а потом обычно соглашаются на десятую часть! – авторитетно сказал Зуб, нависая над девушкой всей тушей.

– Вы такой большой, что вас, наверное, все бандиты боятся! – улыбнулась сквозь слезы Вера.

– Как зовут вашу маму? – хрипло спросил Федор.

– Людмила Викторовна! А зачем вы спросили? – удивилась Верочка, пристально глядя на Федора.

– Фамилия у нее тоже Бреус?

– Мама оставила себе фамилию второго мужа – Сарьян. У нас не любят, когда родственники работают в одной конторе.

Ее слова были прерваны мелодичным звуком на столе.

– Господин Делавери приглашает вас!

Тем временем дверь кабинета открылась, и из нее гуськом начали выходить люди. Федор скользнул по ним взглядом и обнаружил одну странную закономерность: все отдувались и вытирали лица платками. Похоже, разговор в кабинете начальника департамента был нелегким.

Едва партнеры перешагнули порог, как Седой расплылся в радостной улыбке.

– Чай, кофе? – спросил Делавери, приветственно кивнув головой.

Помня о том, в каком состоянии находится секретарша, Федор отрицательно покачал головой.

– Очень хорошо! Ильхом!

Из дальнего угла кабинета быстро вышел молодой человек в сером костюме.

– Передайте ваши документы Ильхому. Он займется оформлением разрешения на проведение подводных работ, – предложил Делавери.

Федор с Зубом безропотно отдали паспорта, помня, что в сумках хранится еще три комплекта документов.

Молодой человек схватил папку и исчез из кабинета, как бесплотный дух.

– У нас неприятности. Госпожа, которая должна была сопровождать вас в поездке, исчезла, – устало сказал Делавери и откинулся на спинку сиденья.

– Что с ней случилось? – спросил Зуб, облокачиваясь на спинку стула.

– Принято решение дать вам другого сопровождающего. Он, конечно, не такой красивый, как госпожа Сарьян, но служил в морской пехоте СССР и сейчас является начальником службы безопасности нашего министерства.

В кабинет вошел крепкий мужчина лет сорока пяти.

– Кем вы служили и где? – спросил его Федор.

Неожиданная мысль пришла ему в голову. «Милка со мной разговаривает по Интернету и телефону – значит, местоположение ее узилища можно засечь! Особо далеко ее увезти не могли. Моя любовь находится где-то в пределах страны! Сейчас приду в гостиницу и свяжусь с ней по телефону, а там и до определения места ее заточения недолго. Ребята минут за десять определят нахождение абонента!»

Набычившись, начальник охраны зло посмотрел на Федора, но отвечать не спешил.

– Расскажи о своем боевом пути! – предложил Седой.

«Как все невысокие люди, начальник охраны имеет комплекс неполноценности. Значит, будет постоянно доказывать, что он самый лучший, умный и талантливый. Мужик он, конечно, крепкий, но против нас не тянет. Подготовка у морпехов на порядок, а то и на два ниже, чем у «тюленей». На этой струнке и попробуем сыграть», – решил Федор, внимательно рассматривая широкое красное лицо бывшего морпеха.

– Начинал службу на Балтийском флоте, в дивизионе береговой охраны, потом перевели в Каспийскую флотилию, где дослужился до капитан-лейтенанта. После демобилизации пере-

ехал в республику, где вот уже пять лет исполняю обязанности начальника службы охраны, – коротко сказал Крепыш, как его окрестил Федор.

«У морпехов армейские звания, а Крепыш присвоил себе капитан-лейтенанта – первый прокол. Мужiku явно за сорок, а он только капитан-лейтенант – второй прокол. Либо Крепыш прилично «залетел», что, судя по его носу с синими прожилками, весьма вероятно. Поддает мужик крепко! Да и не говорят «демобилизация» – слишком длинно! Обычно все говорят «дембель». Третий прокол!» – мысленно оценил Федор нового сопровождающего.

– Сегодня переедете в тренировочный лагерь КГБ на окраине столицы. Оставаться в городе вам опасно. Побудете там две-три недели, пока готовятся документы, а заодно войдете в форму, а то вы жирком заросли! – жестко сказал Делавери, а глаза Крепыша радостно сверкнули.

– Только одно условие, – поднял вверх руку Федор.

– Никаких условий! – отрезал Крепыш, направляясь к выходной двери.

– Нам нужно специальное питание. Обычное армейское питание для водолазов не подходит, – лениво сказал Федор, делая нажим на последних словах.

– Будете есть то, что вам дадут, – бросил Крепыш, берясь за ручку двери.

– Тогда и под воду пойдешь сам! – не остался в долгу Зуб.

– Вы отказываетесь спуститься под воду? Тогда для чего вы приехали? – теперь уже удивился Седой.

– Водолазам положено специальное питание, которое исключает прием газообразующих продуктов типа капусты, гороха и тэ пэ, – негромко сказал Федор, вставая.

– Что же вам можно есть? – недоуменно спросил Крепыш, делая шаг назад.

– Мясо, много мяса, желательно с кровью, но проверенное. И пять раз в день, – жестко сказал Федор.

– С питанием определимся, но придется решить еще два вопроса, которые не могут ждать, – твердо сказал Делавери, глазами указывая Крепышу на дверь.

– Я заберу ваши вещи из гостиницы и буду ждать снаружи на «Ниссане-Патрол»! – сказал Крепыш, закрывая за собой дверь кабинета.

Глава шестая

Едва за бывшим морпехом закрылась дверь, как Седой сделал приглашающий жест.

Не дожидаясь, пока Сом усядется, Делавери начал рассказывать:

– Район предполагаемого падения вертолета определен точно. Найден маршрутный лист вертолета и опрошены очевидцы, которые с точностью до километра показывают, где именно упала вертушка. Правда, есть одно «но»...

Делавери сделал театральную паузу, и именно в этот момент Зуб, бесцельно слонявшийся по кабинету, приложил палец к губам, кивнув в сторону подоконника. В левой руке он держал толстую шариковую ручку, торец которой теперь горел ярко-красным цветом.

Седой, надо отдать ему должное, моментально сообразил, что к чему, и, встав, громко сказал:

– Давайте пойдем ко мне в комнату отдыха и выпьем по рюмочке коньяка за успешное начало нашего предприятия! Очень голова болит...

– В этом случае коньяк можно рассматривать как лекарство, которое расширяет кровеносные сосуды! – бодро сказал Федор, демонстрируя истинную радость человека, любящего выпить.

– Это мы всегда готовы, – сразу согласился Зуб.

Дубовая панель в торце кабинета, повинаясь легкому нажатию на узорчатый завиток, пошла в сторону, открывая темный проход.

– Опять лампочка перегорела, – огорченно сказал Седой, включая маленький электрический фонарик.

Зуб, повинаясь приглашающему жесту хозяина, первым вошел в комнату отдыха, держа ручку-индикатор.

Прекрасно понимая, что столь долгое молчание обязательно вызовет подозрение у операторов прослушки, Федор тоном капризной, избалованной дамочки спросил, специально растягивая слова:

– Коньяк-то хоть настоящий?

– Мы все воспитаны в советских традициях. Поэтому коньяк будем пить армянский, – нарочито громко возвестил Седой, заходя в комнату отдыха.

Широкие кожаные диваны вдоль трех стен навевали мысли о чем-то фривольном. Хозяин, подойдя к стене, уже вернулся, держа три пузатых бокала и длинную бутылку.

Зуб забрал у него бокалы и, открутив металлическую крышку, ловко разлил золотистую жидкость.

– Теперь продолжим беседу! – жестко сказал Седой, отпивая маленький глоток коньяка. – Водолазное оборудование и приборы для поисковых работ доставят прямо на наш буксир. Так что поедете вы налегке, как туристы, через неделю. Сначала на поезде до станции Нурати, а потом кораблем прямо до берега моря, где и пересядете на буксир. Мы планировали послать с вами моего первого помощника госпожу Сарьян, но она внезапно исчезла.

– Такое впечатление, что почти о каждом вашем шаге знает кто-то весьма могущественный и влиятельный! – задумчиво сказал Федор, вертя в руках бокал.

– Вот поэтому я и принял решение отправить вас в военный лагерь по переподготовке офицеров спецназа. Охрана там очень серьезная, и вы будете в полной безопасности! Мне контейнер нужен как воздух!

– А что случилось с госпожой Сарьян? – как можно небрежнее спросил Федор, глотнув коньяка, но совершенно не замечая его вкуса.

– Людмила Сарьян попросту исчезла, и пока никаких сведений мы о ней не имеем!

– Как вы залегендировали наше пребывание в военном лагере? – спросил до сих пор хранивший молчание Зуб.

– Совсем забыл!

Подойдя к бару, Седой достал пластиковый пакет и одним движением кисти метко кинул его Федору, чем вызвал уважительный взгляд Зуба. Федор двумя пальцами поймал пакет и медленно положил его на столик.

Отстегнув клапан, вытащил две стопки документов. Развернув одну, обнаружил местный заграничный паспорт, куда было вложено офицерское удостоверение, на котором красовался его собственный образ в форме полковника. С аналогичного удостоверения смотрела физиономия Зуба в погонах подполковника.

– Слов нет, одни восхищенные крики! – вслух оценил Федор проделанную работниками Министерства сельского хозяйства работу.

– Это документы прикрытия, по которым вы будете находиться в военном лагере. Господин Зубков будет учить курсантов приемам боевого самбо, а господин Соколов станет натаскивать военнотружущих спецконтингента по методам обращения с аквалангом.

– Могли меня капитаном первого ранга сделать, – брюзгливо добавил Федор, поднимая бокал.

– Только такие удостоверения у нас и нашлись, – развел руками хозяин кабинета.

Глава седьмая

Едва Сом с Зубом сели в огромный «Ниссан», как сидящий на переднем сиденье начальник охраны предложил:

– Переоденьтесь в военную форму. Не надо привлекать лишнего внимания.
– Полностью с вами согласен, – поддержал Зуб, начиная снимать одежду.
– Форма в пакетах. Думаю, я не ошибся в размерах. – Крепыш указал в угол салона, где лежали два больших пластиковых пакета зеленого цвета.

– Такие туфли только лилипутам носить, – оценил размер обуви Зуб, передавая пару коричневых полуботинок Федору.

– С размерами обуви вы, господин капитан, несколько ошиблись, – внес свою лепту Федор, прикидывая, что обувка ему мала. – Будем ходить в кроссовках.

– Я вам на базе подберу нормальную, – пообещал, оборачиваясь, Крепыш.

Автомобиль, проехав по центральному проспекту, свернул на узкую улицу, затем выехал на проселочную дорогу и, увеличив скорость, понесся по ней, поднимая за собой шлейф беле-сой пыли.

Справа тянулась пустыня, а слева мелькали маленькие одноэтажные дома под шифер-ными крышами. На лавочках сидели белобородые старики и равнодушно смотрели вдаль, не обращая внимания ни на пыль, поднятую «Ниссаном», ни на сам автомобиль.

Машина въехала в поселок, весь окруженный вековыми деревьями. Перед каждым домом были вкопаны металлические трубы, на которых густо росли ветвистые лозы с огромными густыми листьями.

– Прямо оазис какой-то! – не удержался от замечания Зуб.

– Здесь живут узбеки. Они много сотен лет назад переселились из Хивы и так до сих пор живут и в ус себе не дуют. Всю торговлю зеленою держат в руках! Кулаки – одно слово, – пояснил крепыш.

Сом в это время, вытащив КПК, набирал сообщение Миле:

«Страшно скучаю. Как только услышал твой голос, как будто бы мир весь перевернулся. Хочется говорить с тобой снова и снова. Не стареет давняя любовь! Я буду писать тебе письма. По одному каждый день».

Автомобиль проскочил еще один безликий поселок и, снова свернув, стал углубляться в пустыню. Через двадцать минут его бампер уперся в решетчатые железные ворота, справа от которых стояло одноэтажное здание из белых блоков с широким крыльцом.

– Похоже, везти нас до места дислокации никто не собирается, – заметил Зуб, скорчив печальную физиономию.

– Вам придется самим пройти до комнаты, где вы будете жить, – сказал Крепыш, открыв заднюю дверь.

Водитель выскочил наружу и, открыв багажник, поставил сумки прямо на горячий асфальт.

Федор не стал ничего говорить, а быстро запихал гражданскую одежду в свободный пла-стиковый пакет.

– Одежду и документы вы должны оставить! – повысил голос Крепыш.

– Не пойти ли вам, уважаемый господин, по известному всем адресу? – миролюбивым тоном спросил Федор, чуть сощутив глаза.

Этого оказалась достаточно, чтобы Крепыш отвернулся и стал внимательно смотреть перед собой.

Сом презрительно хмыкнул и, не торопясь, вылез, аккуратно прикрыв за собой дверь. Тут же «Ниссан» сорвался с места, оставив после себя удушливый запах дизельного топлива.

– Не нравится мне все это, – сказал Зуб, вешая сумку на плечо.

– В гостинице было спокойнее, – согласился Федор, поправляя бейсболку на голове.

– Ты в этом наряде, господин полковник, похож на ряженого! – ухмыльнувшись, сказал Зуб, первым направляясь к дверям КПП.

– От такого же слышу! – огрызнулся Федор, глядя на свежеекрашенные ворота, на которых как ни в чем не бывало красовалась красная пятиконечная звезда.

– Мы вас ждали, товарищи курсанты! – встал из-за перегородки моложавый майор с красной повязкой на левой руке.

– Здравия желаем, товарищ майор!

– Акмурад! Проводи товарищей офицеров в семнадцатую комнату третьего корпуса! – не глядя, приказал майор, выходя из-за перегородки.

– Полковник приказал в казарму, а тут тащись в семнадцатую комнату! – загундосил низкорослый сержант, которому было никак не меньше сорока лет, вразвалочку шагая ко второй двери.

– Отставить разговоры, сержант! – прикрикнул майор, но в голосе его не было злости.

Грязная, с пятнами жира форма, засаленный подворотничок и выпирающий животик выдавали в сержанте человека, который нашел в армии теплое местечко.

Пройдя по бетонной дорожке сто метров, Федор увидел навес, в середине которого стояла бочка с песком и три деревянные скамейки по периметру.

– Жарко! Надо перекурить, – неожиданно предложил Федор, сворачивая к навесу. Достав из сумки пачку «Мальборо», он с треском распечатал ее и предложил сержанту: – Присаживайся, Акмурад! Закури хорошую сигарету!

– Спасибо, товарищ полковник! – обрадовался сержант, ловко выуживая из пачки две штуки. Одну сигарету он хозяйственно заложил за ухо, а вторую закурил от собственной дешевой китайской зажигалки.

С удовольствием втянув ароматный дым, сержант хитро сощурил глаза и предложил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.